“ЭТО СКОРБНОЕ УЧЕНИЕ...”
(заметки к статье В.Ф. Асмуса)*

М.Н. Громов, Н.А. Куценко

Вынесенное в заглавие выражение В.Ф. Асмуса представляет одну из ярких характеристик марксистского учения, касающуюся в данном случае вульгарно-экономической интерпретации сложного процесса культурного развития, где следует ценить “самобытность и автономную ценность духовного начала”, чем пренебрегают апологеты материалистического монизма.

Статья поражает с первых строк своей страстностью, взволнованностью, непримиримостью публициста и вместе с тем глубоким философским анализом происходивших событий. Она написана молодым 24-летним выпускником Киевского университета, выросшим и воспитанным в совершенно иной атмосфере духовного и культурного творчества, нежели та, в которой ему придется жить в последующие годы. Контраст между дореволюционной и советской Россией на примере одной творческой личности резко бросается в глаза. Те, кто знал Валентина Фердинандовича в зрелые годы как уважаемого профессора Московского университета и сотрудника Института философии РАН, помнят его спокойную, взвешенную, основательную манеру изложения мыслей, где смысл каждого слова был продуман и отредактирован по форме. Остался высокий профессионализм, ушла непосредственность, глубоко укрылась искренность и тщательно скрывалась вера в совсем иные ценности и идеалы, несовместимые с коммунистической идеологией.

Остается гадать, была ли данная статья, где за каждый абзац и даже пару слов можно было подвергнуться жестоким репрессиям, известна компетентным советским органам. Либо они закрыли на нее глаза, поскольку негативное отношение к строившемуся тогда тоталитарному строю, пока он еще не набрал силы, высказывало подавляющее большинство мыслящих людей, а истреблять поголовно специалистов старой школы было просто неразумно, потому и засекретили старые грехи нужного режиму человека. Либо, скорее всего в условиях тогдашней неразберихи, бросания из одной шумной кампании в другую, поисках очередного крупного врага полуграмотные чекистские функционеры просто проглядели затаившегося оппонента власти, недвусмысленно высказавшегося в ее адрес в бурные годы гражданской войны.

Во всяком случае, Валентин Фердинандович после окончательной победы большевиков вынужден был вести себя осмотритель-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 03-03-00140а.

нее, а свою первую печатную работу стал датировать 1924 г., когда вышла в Киеве книга "Диалектический материализм и логика. Оценка развития диалектического метода в новейшей философии". Как вспоминал он в предисловии к двухтомнику своих трудов, изданному на склоне лет: "Моя первая печатная работа вышла в 1924 г. в Киеве, где началась моя философская – профессорская и литературная – деятельность"[1].

Надо сказать, что он, будучи человеком честным и принципиальным, не лгал, но говорил уклончивую правду. Если под первой печатной работой подразумевать первое монографическое исследование, то дело так и обстояло. Но в иных условиях он бы вспомнил свое сотрудничество с теми, кому было не по пути с советским режимом. Данная же книга, которая стала начальной в официальном списке более чем 200 трудов профессора, закрепила за ним реноме серьезного ученого, лояльного по отношению к власти. Она стала своего рода охранной грамотой, под защитой которой он мог относительно безопасно (подобно профессору Преображенскому из "Собачьего сердца" Михаила Булгакова) заниматься своей профессиональной деятельностью.

О Валентине Фердинандовиче, его трудах и жизненном пути в последние годы вышло несколько публикаций, в том числе примечательная книга "Вспоминая В.Ф. Асмуса...", где кроме воспоминаний его коллег и учеников содержатся автобиографические материалы ученого[2]. Поэтому обратимся непосредственно к самой статье.

Статья "О великом пленении русской культуры", подписанная именем Валентина Асмуса, опубликована во втором номере киевского еженедельного издания "Жизнь" в сентябре 1919 г. Это было смутное, тяжкое время, описанное в "Белой гвардии" Михаила Булгакова и других сочинениях современников той эпохи: катастрофа старой России, ожесточенная гражданская война, где брат восставал на брата, гибнущие люди, ценности, памятники культуры. В Киеве одна власть сменяла другую: белые, красные, петлюровцы, немцы, поляки. Номер со статьей В.Ф. Асмуса вышел, когда после первого полугодового господства советов город ненадолго заняла армия Деникина, целью которой было восстановление старого режима, а точнее – строительство "возрождающейся России" с учетом новых обстоятельств.

Интересен первый программный номер "Жизни", вышедший 1–7 сентября на 16 полосах. В нем издание определялось как еженедельная газета-журнал. Редактор Н.Е. фон Киниц, издатель – С.А. Вайншенкер. Номер дозволен военной цензурой. Объявлено, что газета-журнал (есть и наименование журнал-газета) выходит при участии В. Асмуса, Н. Бернера, М. Вайнтроба, Л. Волтоловского и других, всего более чем 20 профессоров, писателей, журналистов, общественных деятелей, среди которых есть имена О. Мандель-

штама и И. Эренбурга. Этот номер содержит статьи "Письма из русской интеллигенции" Егора Кострова (вероятно, псевдоним), "Прошлое и настоящее" М. Севена, "Звездная буря и фешенебельные гостиные" И. Эренбурга, выделяющаяся экзальтированностью и разящим стилем, где язвительно высмеивается "пролетарское" искусство и отмечается скудоумие идеологов коммунизма. Есть разделы поэзии, литературы, науки, хроники событий. Много покаянных слов, выражается выстраданное желание строить новую, более справедливую жизнь, присутствует надежда на стабильность в измученной стране. Но все эти упования были мимолетны, как власть Главнокомандующего Деникина. Издание вскоре будет прекращено. В Центральной научной библиотеке Киева Т.Д. Суходуб обнаружила на настоящий момент только два первые номера издания.

Публикуемая ныне статья В.Ф. Асмуса вышла во втором номере "Жизни" (8–14 сентября 1919 г.), временем ее написания указан август того же года когда после большевистского правления вернулись ненадолго времена, столь похожие на старые дореволюционные. Опыт первого потрясения от тотального подавления складывавшейся веками культуры и беспощадный диагноз фанатичного ослепления идеологов новой квазирелигии, когда слепые вожди ведут в пропасть слепые массы – таков лейтмотив статьи.

Она предваряется тремя эпиграфами, каждый из которых (из Псалтири, Тютчева и Гёте) говорит об идейных устремлениях автора и тех источниках, из которых он питается мудрыми мыслями. Вечные строки богодухновенных псалмов напоминают о нашей бессмертной душе, которая должна избегать сетей лукавых обольстителей мира сего. Краткая провидческая строка Тютчева с горечью свидетельствует о мысли безрассудной, чьи жертвы суть соблазнившиеся ею люди. Классическое четверостишие Гёте предупреждает о тщетности самонадеянных умов разгадать неизреченное таинство Природы.

Далее следует основной текст, прочесть, понять, интерпретировать который может каждый читатель на свой манер. Отметим лишь некоторые ключевые идеи автора, не потерявшие своего значения до сего дня. Одна из них выражена в удачно найденном термине "пленение", ключевом для заглавия. Не обыденное "плен", а церковнославянское "пленение", в семантике которого содержится и напоминание о вавилонском пленении еврейского народа и ордынском русского. В этом сакрализированном, духовно содержательном, историософски наполненном термине выражена не только скорбь о трагизме происходящего, но и скрытая надежда на грядущее избавление. Включение подобных терминов в современный текст делает его семантически более глубинным, содержательным, философичным.

Весьма ценна идея В.Ф. Асмуса о "методологическом самоограничении естествознания", которое способствовало его великим до-

стижениям, и опасности "всеобъемлющего механистического миросозерцания" естественно-научного типа, которое в своей претензии заменить философский универсализм привело сначала к великому соблазну материалистического монизма, а затем к его неминуемому краху (уже тогда предугадываемому), особенно в лице догматического марксизма. Последний в России принял вид странной химеры, где декларируемый рационализм соединился с фанатизмом сектантского типа ослепленных призрачной утопией адептов новой веры, нетерпимой ко всем остальным.

В.Ф. Асмус пишет о колоссальном давлении вождей коммунистического фаланстера на все творческое, самобытное, духовное, что не вписывается в их представления о новом мировом порядке. Шумная агитация, оглушительная пропаганда, дискредитация непокорившихся и подкармливание подчинившихся, осатанелое разрушение традиционных ценностей и наивная вера в то, что новое будет лучше старого проявили себя уже на самой ранней стадии становления монстра тоталитарного государства, сначала во времена Ленина, мечтавшего зажечь пожар мировой революции, а затем во времена Сталина, стремившегося установить мировое господство.

Статья носит беспощадный разоблачительный характер, формулировки автора глубоки и убедительны, его оценки разящи и опасны для нового режима. Таким был Валентин Фердинандович в начале своей философской и литературной деятельности. Но и сам он попал в "великое пленение". Советская власть не лишила его жизни, но лишила возможности стать ярким, независимым, креативным мыслителем, подобным философам, уехавшим или высланным из страны. Показательна в этом плане рецензия Николая Бердяева на одну из монографий В.Ф. Асмуса, вышедшую десять лет спустя после его ранней статьи[3]. Высоко отзываясь о профессионализме автора, выросшего "на старой русской культуре", Бердяев отмечает, что его книга "производит мучительное впечатление смешения двух стилей, свободно философского и советски казенного", когда горько смотреть, "с каким трудом пробивается философская мысль через гнет коммунистической цензуры".

Бердяев находит немало натяжек и тенденциозных трактовок в пользу марксистской идеологии, за что не может не упрекнуть рецензируемого автора. Но он хорошо понимает обстоятельства его стесненного существования и плененность его духа. Проникнуты сочувствием и симпатией заключительные слова философа русского Зарубежья в адрес философа, живущего в Советской России: "Впрочем, сам г. Асмус производит впечатление случайного человека в коммунизме. У него нет главного, нет пафоса, связанного с идеей пролетариата, т.е. нет коммунистической религии, он любит философию и в светлые свои минуты отдается философскому познанию, забывая о ненависти, к которой обязывает его коммунистическое миросозерцание".

Резюмируя, можно сказать, что публикуемая статья вносит существенные коррективы в понимание творческого пути выдающегося русского философа В.Ф. Асмуса, который в условиях коммунистического пленения сумел не только сохранить достоинство честного человека и высокопрофессионального ученого, но и своими трудами, лекциями, беседами, стоическим поведением, своеобразной "философией поступка" доказать, что мысль убить нельзя, что даже в самые тяжелые годы своего бытия русская философия продолжала существовать и доказывать свою состоятельность.

Авторы приносят искреннюю признательность вдове философа Ариадне Борисовне Асмус за возможность познакомиться с его библиотекой в Переделкино и Татьяне Дмитриевне Суходуб, сопредседателю Общества русской философии при Украинском философском фонде, за предоставленные материалы.

[1] *Асмус В.Ф.* Избранные философские труды. М.: Изд-во МГУ, 1969. Т. 1. С. 3.

[2] См.: Вспоминая В.Ф. Асмуса... / Сост. М.А. Абрамов, В.А. Жучков, Л.Н. Любинская. М.: Прогресс-традиция, 2001.

[3] См.: *Бердяев Н.* В.Ф. Асмус: Очерки истории диалектики в новой философии, 1929 // Путь: Журнал. Париж, 1931. С. 108–112.